

Мужчины всегда недооценивают
жестокость оставленной
ими женщины

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

КОРЫСТЬ
НА ПЬЕДЕСТАЛЕ

ЛЮБОВЬ ЗЛА И КОВАРНА

Колычев. Любовь зла и коварна

Владимир Колычев

Корысть на пьедестале

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Корысть на пьедестале / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2015 — (Колычев. Любовь зла и коварна)

Мужчинам следует трижды подумать, прежде чем бросить женщину. Особенно если она умна и пленительно красива. Месть такой женщины может стать опасной игрой с очень высокими ставками. Но разве Валентин Кузьмин, преуспевающий бизнесмен, думал об этом, когда положил глаз на официантку Василису? Очаровательной официантке Кузьмин не нравился, но она попала в безвыходное положение. Дело в том, что хозяин кафе, в котором она работала, потребовал от нее два миллиона, похищенные бывшим ухажером Василисы. И девушке ничего не оставалось, как выйти замуж, наивно полагая, что замужество раз и навсегда решит проблему с долгом. Но события начали развиваться непредсказуемо. Кузьмин вскоре признался молодой жене, что разлюбил ее, и предложил развестись...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В. Г., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Колычев

Корысть на пьедестале

Часть первая

Глава 1

Зима ушла, но весна вкрадывается в свои владения робкой поступью, с оглядкой на холода, а по ночам прячется по топленным домам от коварных заморозков. Прошлогодняя трава как зеленый цвет в неосвещенной ячейке светофора, такая же блеклая, жухлая, и силы в ней самая малость – размазалась по земле и лежит, не шелохнется. А мать-и-мачеха усыпала поляну перед домом ярким желтым цветом. Природный светофор зажегся предупреждающим желтым, зеленый уже на подходе, и, как только вспыхнет, весна войдет в мир широким уверенным шагом – и тепло долгожданное принесет, и тусклые черно-белые картинки раскрасит яркими цветами.

Но она пока еще где-то рядом, ее дыхание разметают холодные ветра и размывают дожди со снегом, а на работу нужно идти при любой погоде. Василиса плотно закрыла калитку, вставила ключ в замочную скважину, провернула на два оборота. Заржавело в замке – непослушный ход, тяжелый, да и петли не мешало бы смазать, а то скрипят, раздражают.

Домик у нее небольшой, но уютный, огород, сад, хозяйство – все на ней. Нравится ей благоустраивать свой быт, потому все получается. Сливы, яблони, вишни уже побелены – вчера этим занималась, во дворе чистота, все на местах, трава еще с осени пострижена. И огород в прошлом году вскопан – земля как пух, рассада ждет своего часа. Зарплата у Василисы неплохая, картошку она покупает, а зелень, овощи, фрукты – все свое. Ей много не нужно, поэтому огород небольшой, зато возделывается заботливой рукой. Еще два года назад она имела весьма смутное представление о том, как держать в руках лопату, а сейчас наловчилась, хорошо получается, как у настоящей деревенской бабы.

Все меньше в их деревне таких баб: одни умирают, другие продают дома и съезжают. Место хорошее, всего в пяти километрах от Москвы: прямой и короткий выезд на скоростное шоссе, рядом сосновый бор и река – столичные нувориши выкупают землю, сносят старые дома, ставят особняки. Много их уже таких, предприимчивых, особенно на южной стороне деревни.

Из Демидки можно было выйти двумя дорогами, одна вела к шоссе, другая – в город, где работала Василиса. Этой второй дорогой нувориши, как правило, не пользовались, им Задорск не нужен, когда до Москвы рукой подать, да и многие из местных в столицу на работу ездили, там зарплаты посолидней. И Василиса могла бы в Москве работать, но ей повезло устроиться официанткой в ночной клуб со странным названием «ЗаМКАД». Заведение пользовалось популярностью у местных, и москвичи протоптали дорожку – от клиентов отбоя не было, фейс-контроль на входе давно уже вошел в правило. Всю смену как заведенная, в туалет некогда сходить, к утру от усталости отваливаются руки, отнимаются ноги, зато зарплата хорошая, и чаевые более чем. Клиенты в основном одни и те же, и все хотят производить впечатление, в том числе и на официанток. Стриптизерш балуют больше, но Василиса в их ряды вливаться не желает, хотя танцевать умеет, а иногда, если деньги нужны, может зажечь на тумбе в свой выходной. Девушка она без комплексов, но «гоу-гоу» – ее потолок.

Сегодня начиналась ее смена – три ночи каторжного труда, нервотрепок и недосыпаний, но Василиса выдержит, ей не привыкать. Зато потом трое суток отдыха, и совсем не

страшно, если это время она проведет в одиночестве и с тяткой в руках. Привыкла она жить в тихом уединении, более того, стремится к нему. От парней одни только несчастья, уж ей-то это хорошо известно. Хватит, намучилась...

Идти ей недалеко, метров триста-четыреста, к дороге, которая вела в город. Там и остановка, и автобус через каждые два часа.

За спиной вдруг послышался шелест колес. Машина шла тихо, но тяжело – или небольшой грузовик, или внедорожник. Она обернулась, и увидела «Икс-пятый» «БМВ» черного цвета. Лакированные бока отливали отраженным светом, хромированная решетка тускло поблескивала. Она шла по левой стороне дороги, по самому краю, поэтому сдвигаться не пришлось, но и машина не проехала мимо.

Внедорожник еще не остановился, а затемненное стекло уже опустилось.

– Поедем? – перехватив ее взгляд, запросто спросил мужчина за рулем.

Каштановые с проседью волосы росли густо, стояли жестко, но послушно. Небольшие глаза под черными, коромыслами поднятыми бровями, высокая тонкая спинка заостренного на конце носа, губы не толстые, но яркие, может, потому они казались большими. Немолодой он уже, лет сорок, не меньше, кожа свежая, увлажненная кремами, возможно, дорогими, но лоб прорезали две глубокие морщины. Взгляд иронично-насмешливый, на губах снисходительная улыбка.

– До Задорска, – кивнула она.

Василиса видела в нем живой и, в общем-то, здоровый к себе интерес. У него все желания в глазах, как товар – на витрине магазина, все ясно и просто. К таким мужчинам Василиса относилась с пониманием и знала, как их отшивать, поэтому без особой опаски села в машину.

– А я глянуть хочу, как у вас тут все устроено, – сказал мужчина, оценивающим взглядом скользнув по ее ногам.

Ноги у нее достаточно длинные, стройные, изящные лодыжки, округлые коленки – все как должно быть у хорошенькой женщины. Но куртка на размер-два больше, джинсы такие же просторные, а еще ботиночки на низком каблуке. Короткие светло-русые волосы спрятаны под бейсболку, косметики на лице почти нет... В общем, не самый приглядный у нее вид, но так она и не стремилась выглядеть красавицей: не было желания знакомиться с мужчинами, даже приближение весны не очень-то настраивало на романтический лад.

– Нормально у нас тут все устроено. – Она ладонями провела по своим коленкам, будто хлебные крошки с них стряхивала. – Как у людей.

– Это ты о чем? – не понял мужчина.

– В смысле, я бы пешком дошла.

Василиса повернула голову к боковому окну со своей стороны: не было никакого желания кокетничать с ним.

Машина с проселка свернула на латаную-перелатаную асфальтную дорогу, проехала остановку с железным павильоном, сквозь краску которого проступали пятна ржавчины.

Людей на остановке не видно, значит, автобус подъехал и забрал их раньше времени – так иногда случалось. И куковала бы она в одиночестве, а через час уже нужно быть на месте. До города не так уж и далеко, километра два, можно было бы и пешком дойти.

– Зачем пешком, когда машина есть? – весело спросил мужчина и ладонью зачем-то хлопнул по баранке. – Тебя как зовут?

– Вася.

– Не понял юмора?

– Василиса.

– Василиса?! А я – Василий!.. Да мы с тобой тезки! – обрадовался он. – Я вот тут дом себе купил, обустриваюсь на новом месте.

Василиса сухо кивнула. Дом наверняка большой, красивый, и мебель в нем будет богатой, роскошной, если не уже... И мужчина дорого одет. Кожаная куртка легкая, чувствуется и стиль, и бренд, бежевый пуловер под ней явно не с барахолки, джинсы наверняка из модного бутика. Часы у него почему-то на правой руке – то ли он левша, то ли хвастун. Часы дорогие – настоящий «Ролекс» с выпуклым сапфировым стеклом и корпусом из чистого золота. Возможно, Василий собирался в город за девочками, потому и кузовок свой приготовил, и себя украсил. Пусть девочки видят, какие у него часы, как много он может для них сделать...

– По Задорску покататься хочу, покажешь, где у вас тут что?

– Ночные клубы интересуют?

– Ну, было бы неплохо! – В его сладко-приторном восторге Василиса уловила кислую досаду и разочарование. Да уж, не клубный у нее вид, не покажешься с ней в приличном обществе.

– Улица Зеленоградская, дом восемнадцать, – равнодушным тоном произнесла она. – Я покажу.

– Ну, до ночи еще есть время, – сказал он, глянув на свои дорожные часы.

Василиса промолчала. Не было у нее желания заводить знакомство с этим типом.

– Ты сама из Демидки? – Впрочем, Василий мог и без нее поддерживать разговор. – Живешь там?

Она кивнула и показала рукой:

– Здесь направо.

Машина въехала в город, справа один за другим потянулись многоэтажные новостройки, над которыми возвышались башенные великаны с длинными носами-стрелами.

– В Москве цены вверх рванули, – глянув на дома, заметил Василий. – А здесь еще ничего, держатся... И городок вроде бы неплохой... Вредные производства есть?

– Машиностроительный завод.

– И что там?

Василиса зевнула в кулачок. Если бы она знала, какие машины строит завод, она все равно бы не стала говорить. Для этого существует справочное бюро – в Интернете, например, кому интересно, пусть дерзает.

Задорск она знала плохо: дом – работа, работа – дом, вот в основном и весь ее маршрут. Ну, магазины, само собой – продуктовые, хозяйственные. Одним словом, скромные у нее познания о городе, и не было желания расширять кругозор.

Родом Василиса из Волгограда, выросла там, на ноги встала, крылья расправить пыталась, но подрезали на самом взлете. А жила она в тесноте, хотя и не в обиде. Мать после развода снова вышла замуж, родила еще двоих детей, так и жили они – впятером в однокомнатной квартире. А года три назад умер отец, оставив ей домик в Демидке. Не хотела она сюда ехать, но так уж сложились обстоятельства. Да и волгоградскую квартиру надо было разгрузить.

С родным городом ее связывал университет, где она училась на заочном, этим летом отпуск возьмет, экзамены поедет сдавать, в том числе и государственные. Наконец-то закончатся ее учения на букву «м»... Если, конечно, не завалится...

– Какая-то ты невеселая, – с осуждением в голосе проговорил Василий.

– Это у вас выходной, а у меня работа.

– А клуб?

– Здесь налево... Правее... Приехали!

Машина заехала в парковочный карман с парадной стороны клуба, который размещался в отдельном, специально построенном под него здании.

Светло на улице, а гигантские буквы, закрепленные на крыше, уже ярко светились огнями. «ЗаМКАД». Высокие витринные окна озеркалены, перила на широком гранитном крыльце сияют хромом, медная рында у парадных дверей начищена до блеска. Никто не знал,

зачем владелец клуба вывесил этот корабельный колокол. Павел Матвеевич во флоте не служил, моря-океаны не бороздил, ностальгия по этому поводу мучить его не должна. И тем не менее... Мало того, вышибале на входе предписывалось отбивать склянки с началом работы. Гена злился, матерился себе под нос, но в колокол звонил через каждый час. А свою злость он срывал на мальчиках и девочках, которые выстраивались в очередь перед клубом. Если не понравился ему кто-то, пиши пропало, лучше сразу бегством спасаться...

– Улица Зеленоградская, дом восемнадцать. Ночной клуб «ЗаМКАД», я здесь работаю, – открывая дверь, сказала Василиса.

– Э-э... Ты куда? – потянулся за ней Василий, пытаясь остановить.

– Спасибо! Пока!

Она выпорхнула из машины, быстрым легким шагом поднялась по ступенькам. Рабочий день уже начался, но клуб еще не открылся, и охранник находился в холле. Он узнал Василису, открыл ей дверь, улыбнулся, выставил вперед ладошку – под дружеский хлопок.

Она даже не обернулась, чтобы посмотреть, уехал Василий или нет. Ей нет до этого никакого дела: Россия – свободная страна, и каждый гражданин имеет право стоять под клубом сутки напролет и даже умереть у крыльца в бесплодном ожидании...

Отличная акустика в клубе, и аппаратура серьезная – музыка громкая, объемная, но не оглушительная. И в дальних уголках зала можно спокойно говорить, не напрягая слух и голосовые связки. Обстановка солидная, и клиентура серьезная, но, главное, сервис на высоком профессиональном уровне. Официантки все как на подбор – смазливые, накрашенные, в блестящих париках, в мини-юбках, на высоких каблуках, а как улыбаются... Более того, Валентин Юрьевич Кузьмин и пожаловал в этот клуб ради официанток, а если точнее, его интересовала одна из них. Правда, собираясь в «ЗаМКАД», он мог только догадываться, кем работает здесь Василиса. А когда увидел ее, не узнал: слишком разительный контраст был между той девчонкой, которую он подвозил, и этой особой в короткой юбке. Небо и земля.

Та девчонка его всего лишь зацепила – своей простотой, непосредственностью, ясными голубыми глазами. Василиса не производила впечатления деревенской дурочки, он видел, как она взглянула на его часы. Взгляд не просто оценивающий, но знающий. Она поняла, с кем имеет дело, но даже не пыталась напрашиваться на знакомство, а ведь он мужчина в самом расцвете сил и, главное, при деньгах. Любая другая пиявкой присосалась бы к нему, а эта – «Спасибо! Пока!» А он после развода свободен как птица, и выходной взять не проблема. Но, главное, Миша Брюсов не отказал ему в компании.

Заинтриговала его Василиса, а в клубе и вовсе сразила наповал. Оказывается, она не просто смазливая девочка, а самая настоящая красавица, и ее голубые глаза под накладными ресницами сияли волшебным, завораживающим светом. А какие у нее ножки, и бюст у нее призывно колышется в разрезе кофточки...

Валентин велел позвать администратора и, когда тот подошел, раздражая своей фальшивой улыбкой, попросил заменить официантку на Василису. Свою просьбу он подкрепил сотенной купюрой. Администратор взял деньги не сразу, какие-то мгновения он раздумывал, выискивая подвох, только затем купюра исчезла в его рукаве. И тут же последовало пре-дупреждение, если вдруг Василиса откажется обслуживать столик, то неволить ее никто не станет.

Василиса подошла к их столику легкой, грациозной, можно даже сказать, призывной походкой, волнуяще улыбнулась, обволакивая Валентина взглядом:

– Извините, Василий, но я не буду обслуживать ваш столик!

На этом их общение и закончилось. Она ушла, и тут же появился администратор. Вздыхнул, развел руками и тоже ушел.

– Вот стерва! – разозлился Кузьмин.

Клиент всегда и во всем прав, и нельзя ни при каких обстоятельствах нарушать этот принцип. Во всяком случае, так хотелось думать... А если бы он захотел выкупить у заведения

час любви с Василисой, разве бы ему пошли навстречу? Такой род услуг практикуется только в дешевых заведениях, а здесь чувствовался уровень.

– Хотя бы деньги отдал! – успокаиваясь, бросил он.

– А это что? – Миша ткнул пальцем в мятую сотенную, которая лежала между тарелками. Оказывается, он и не заметил, как администратор вернул аванс.

– Фокусник, блин! – буркнул Валентин.

– Заодно в цирке побывали, – засмеялся Брюсов.

С Мишей они познакомились в институте – сошлись, спелись, занялись фарцой и валютными махинациями. Во времена перестройки создали кооператив, на этой волне хорошо поднялись, но именно поэтому рассорились в пух и прах, и дальше каждый пошел своим путем. Валентин занялся цветными металлами, Миша переключился на нефть, у каждого свое дело, связанное одним общим знаменателем – негласным капиталистическим соревнованием, кто кого успешнее. Пока выигрывал Кузьмин. Но и Мише было чем похвалиться, в том числе и красавицей невестой. Хотя и здесь не все у него гладко. Смешно это или нет, но Брюсов взял замуж бывшую жену Валентина.

С Олесей Кузьмин разводился по собственной инициативе, с Мишей она ему точно не изменяла, просто устал он от нее, и все. И раз уж Миша ее подобрал, то какие к нему претензии? Более того, самолюбие можно потешить. Негоже молодому и успешному бизнесмену поднимать со свалки брошенную вещь...

– И клоуны, и клоунессы, – вздохнул Кузьмин.

У него свои заводы, серьезное производство на миллионы долларов, а тут какая-то пигалица крутит ему фиги.

– Ты про эту? – Миша кивком головы показал на Василису, которая промелькнула между столиков.

– А чем она тебе не нравится? – косо глянул на него Валентин.

Честно говоря, с Олесей Василису не сравнить, слишком разные уровни. Олеся – женщина не просто роскошная, она эталон – там и совершенная красота, и безупречная порода, и безукоризненное воспитание. В сущности, они-то и расстались из-за этого. Олеся не столько надоела ему, сколько он устал соответствовать ей. Ну, и приелась, конечно, не без этого. Это кашу маслом не испортишь, а пирожное с излишком сахара – очень даже...

Единственное, в чем Василиса могла потягаться с ней, это в сексуальности, возможно даже, с высоким шансом на победу. Но этого мало, во всяком случае для Миши, на которого Василиса впечатления не произвела.

– Да нет, ничего... Просто интересно... Да ты не переживай, нормально все, – широко улыбнулся Брюсов. – Клуб отличный, мне понравилось... Кстати, ты можешь его купить, вместе со своей Василисой... Но проще купить ее саму.

– Давай так, – зло, сквозь зубы процедил Валентин. – Ты не советуешь мне, как быть с Василисой, а я не советую тебе, как спать с Олесей.

Заискрило между ними, задымил, но Миша проглотил пилюлю, снимая тем самым возникшее напряжение. Но в трусости Валентин обвинить его не мог. Более того, он бы и сам на его месте постарался бы сгладить ситуацию. Уже почти двадцать лет, как они вместе, сколько конфликтов между ними перекипело, и ничего, жива их дружба, да и как она может заржаветь, если постоянно находится под высоким напряжением? Большой у них опыт выживания в этой самой дружбе, поэтому и сегодня до пожара дело не дойдет.

Какое-то время они сидели молча, стараясь не замечать друг друга, наконец остыли, чокнулись, выпили, развеселились и устроили соревнование – чья «елка» круче. Для этого им нужно было всего ничего – две стриптизерши да куча столотолларовых купюр. Девочки танцевали прямо у них на столе, а они совали купюры им за трусики, под лифчики – удержат или нет... Потом они ушли, шалея от восторга, но вскоре вернулись – в платьях, с более скромным

макияжем, намекнули на свою особую к ним расположенность, но Миша послал их прямым текстом. Оказывается, он своей супруге не изменяет. А Валентин не удержался, скрылся со своей пассией в приватной комнате, там и застрял до самого утра. Он мужчина холостой, и ему можно с кем и как угодно. А с Василисой он встретится как-нибудь потом...

Глава 2

Длинные облака, одно над другим, вдоль над горизонтом – узкие, вытянутые, местами рваные, темно-серые, цвета некрашеного металла. Как будто стальными прутьями небо загродили, но для солнца это не преграда, скорее наоборот: по этим облакам как по ступенькам оно потихоньку вскарабкивается вверх, вливая свет в окна домов. Город уже проснулся, дворники машут метлами, шустрые «Газели» с белыми фургонами развозят молоко по магазинам, сонные люди стекаются к автовокзалу, железнодорожной станции – в Москву надо, на работу.

А Василиса уже отработала. Набегалась, натаскалась, наслушалась. На ногах к утру еле держишься, а еще кассу подбить надо, в зале прибраться. А на улицу вышла, освежилась утренней прохладой, и куда только вся усталость делась. Но спать хочется, а времени мало, в семнадцать ноль-ноль она снова должна быть в клубе, каждый час дорог, а пока до автобусной остановки дойдешь, пока дождешься... Она вызвала такси, ей позвонили, сказали выходить, но машина пока не подъехала.

А из парковочного кармана выкатился знакомый «БМВ» – сдал задом, остановился и в то же мгновение, взревев мотором, рванул вперед, но разогнаться не успел: водитель ударил по тормозам. Машина остановилась напротив, опустилось стекло, и Василиса увидела знакомое лицо.

– Карета подана! – «Василий» похлопал ладонью по спинке свободного кресла.

– Карета подана, – с укором покачала она головой, – да кучер пьян.

Вид его действительно не внушал доверия. Глаза воспаленные, опухлости под ними, волосы растрепанные, лицо помятое, и перегаром несет – гаишник издали унюхает. Штраф за пьяное вождение он выплатит, денег у него куры не клюют, видела Василиса, как он Агнию сто долларовыми купюрами украсил, там не одна тысяча. И еще в «привате» с ней зажигал – не задаром же. От земного закона он откупится, а от небесного? Вдруг его свыше накажут за разврат и пьянство? Вылетит машина с дороги, кувыркнется под откос... Нет, Василисе такое счастье не нужно. К тому же «Василий» никаких чувств, кроме неприязни, у нее не вызывает.

– Это тебе так кажется! – хмыкнул он.

Она облегченно вздохнула, увидев белую «девятку» с шашечками на крыше. Сто рублей, и она дома, а главное, навязчивую компанию терпеть не придется.

Но «Василий» и не думал оставлять ее в покое, он сдал назад, перегородив таксисту дорогу, вышел из машины, постучал в окошко водительской двери:

– Братишка, мне тоже в Демидку! Подожди немного! – И, сунув парню тысячную купюру, вернулся в свою машину.

Василиса сидела на заднем сиденье и смотрела на водителя. Смешной парень – длинноносый, лопухий, все бы ничего, но стриженная «под ноль» голова превращала эти недостатки в уродство. На купюру он смотрел как на знак свыше. Рабочий день еще только начался, а уже так подфартило вдруг, всю смену деньги будут сыпаться с неба? Он не имел права брать второго пассажира, но Василиса даже не пыталась выразить свое возмущение. Бесполезно. А уходить глупо. Если Василий такой упертый, он не отвяжется... Но из машины она все-таки вышла – пересела вперед, чтобы навязчивый попутчик не подсел.

«Василий» отогнал свою машину в парковочный карман, вернулся к такси, бухнулся на заднее сиденье, легким движением закрыл за собой дверь.

– Сильнее! – попросил водитель.

– Ну да, это ж «девятка»! – засмеялся нувориш.

Дверь чуть не выгнулась внутрь – с такой силой он ее захлопнул. Таксист поморщился, но ничего не сказал.

Василиса молча просидела всю дорогу, а когда вышла возле своего дома, «Василий» последовал за ней.

– Я приехала, – глядя на отъезжающую машину, сказала она.

– Я тоже. – Он движением руки показал в сторону большого белого с фахверками коттеджа, за которым сплошной линией тянулись элитные дома.

– Не заблудитесь, – усмехнулась она.

– И не заблужусь, – улыбнулся Кузьмин, – и под забор не свалюсь. Или ты думаешь, что я пьян?

– Мне все равно, – поморщилась Василиса, доставая ключи от калитки.

– Может, ты меня к Агнии ревнуешь?

Она метнула на него возмущенно-уничижительный взгляд. Кто он такой, чтобы его ревновать? Он действительно никто для нее.

– Или злишься... Меня на самом деле Валентин зовут... Кузьмин Валентин Юрьевич, генеральный директор торгово-промышленной компании «Медная гора». Хочешь быть хозяйкой «Медной горы»?

Он вполне прочно стоял на ногах, и язык у него не заплетался, но говорил, как бредил.

– Не хочу! – отрезала Василиса.

Она подошла к своей калитке, сунула ключ в замочную скважину, с усилием провернула. Несмазанные петли жалко скрипнули, но ей сейчас было все равно, в каком они состоянии, лишь бы только Валентин-Василий не сунулся во двор.

– Почему? – спросил он.

Василиса повернулась к нему, хотела оттолкнуть, прежде чем закрыть за собой калитку, но увидела еще одного незваного гостя, который шел в сторону ее дома. Увидела и остолбенела.

– Потому... – потрясенно пробормотала она.

Разочаровалась Василиса в мужчинах, поэтому встречам с ними предпочитала одиночество, все из-за одного человека, которого она очень любила. Никто ей больше не нужен, кроме него – так любила. Но при этом сбежала от него в Демидку. Любила она Сергея, но не страдала, не плакала по ночам в разлуке с ним. Нет его, и хорошо, лучше без него, чем с ним. Гораздо лучше...

Почти два года она без него, и ничего, не умерла, живет в свое удовольствие, горя не знает. И видеть его не хочет. Но заразу не зовут, она приходит сама. И Сергей уже здесь. Идет к ней – высокий, широкоплечий, красивый, темные волосы, синие глаза. Черты лица крупные, но пропорциональные, четко выточенные, широкий волевой подбородок с ямочкой на нем. Первый парень на деревне, душа любой компании, заводила и задира. Девки хороводами кружили вокруг него, а он этим пользовался, то с одной «каравай испечет», то с другой, а Василиса страдала, терпела. Она считалась его девушкой, любила его до судорог в душе, радовалась каждой минутке, проведенной с ним. А их встречи в уединении все чаще к минуткам и сводились, чисто галочку в отчетности поставить... А когда она с этой галочкой залетела, он за руку отвел ее в больницу, к врачу, которую знал близко, уж она-то на Василисе и оторвалась. Только ей одной известно, через какие унижения пришлось пройти.

После таких издевательств она, казалось бы, не могла больше иметь детей, но нет, снова беременность, и снова аборт. Сергей не хотел иметь детей, и прямо об этом говорил, а она, как дура, с ним соглашалась. Он об нее ноги вытирал, а она радовалась... В конце концов, он женился. На другой. И продолжал гулять. И к Василисе на огонек заглядывал, как будто ничего не случилось. Раз поставил галочку, другой, а на третий она от него сбежала. Отец в Демидке дом оставил, она уехала, от греха подальше, обосновалась на новом месте, пустила корни. Первое время страдала в разлуке с любимым, а потом успокоилась. И даже возмутилась, увидев его.

Она уже другая, и ей никто в этой жизни не нужен, поэтому Сергей пусть проваливается.

А он шел к ней, широко улыбался, в глазах жаркие чувства, которые он спешил излить на нее. Камуфлированная куртка на нем, какие-то медали, темно-синие джинсы вправлены в расшнурованные ботинки с высоким верхом. Он уже отслужил в армии, когда Василиса познакомилась с ним, семь лет назад это произошло, пять из них – сплошь мучения и унижения, разбавленные любовью. И никаких медалей у него не было, она точно это знала.

– Привет, родная!

Василиса вдруг почувствовала себя крысой, которую звала к себе волшебная дудочка, ноги сами понесли ее на погибель. Очнулась она в самый последний момент. Уперлась руками в грудь Сергея и оттолкнулась от него. В ответ он лишь засмеялся – весело, добродушно. Милые бранятся – только тешатся.

Но смех оборвался, улыбка сползла с лица, взгляд угрожающе сверкнул. Сергей был рубахой-парнем, душа у него нараспашку, но только для своих. С чужими он обычно не церемонился, если вдруг разозлили его – сразу в драку. Любил он это дело, уважал, а кулаки у него будь здоров, и удар зубодробительный.

– Это кто такой? – Он волком смотрел на Кузьмина, который все-таки зашел во двор вслед за ним.

– А ты думал, я здесь без тебя как монашка живу? – усмехнулась Василиса.

– Хорь твой?

– Я не хочу тебя видеть, езжай домой!

– Я спрашиваю, это твой хорь?

Не слушая ее, Сергей подошел к Валентину, схватил его за грудки.

– Эй, парень, ты что, с ума сошел! – возмущенно протянул Кузьмин.

– Пошел отсюда! – Сергей с силой оттолкнул его от себя.

Валентин едва удержался на ногах, но земли рукой коснулся, восстанавливая равновесие.

– Ты хоть знаешь, кто я такой? – зло спросил он, разглаживая мятые лацканы пиджака.

Сергей снова шагнул к нему и на этот раз ударил – быстро, широко, сверху вниз, как будто в землю вбивал. Кулак с размаху опустился на голову. Проседая в коленях, Кузьмин подался назад, остановился, рванул вперед, собираясь ударить в ответ, но его резко занесло влево, голову повело вправо, душу, казалось, потянуло вверх, в небеса.

Но и душа в теле удержалась, и сам Кузьмин остался на ногах. Шатаясь, на полусогнутых ногах он кое-как добрался до калитки.

– Терпила ты! – крикнул ему вслед Сергей.

– Зачем ты так? – с укором, качая головой, спросила Василиса. Она хотела избавиться от Кузьмина, но не таким же образом.

– А ты зачем с ним?

– Это мое личное дело! – Она и не собиралась оправдываться.

– Да нет, уже не личное... – натянуто улыбнулся Сергей. – Теперь я здесь, с тобой, и ты не должна ни с кем, поняла?

– Да как-то не очень!

– Что?!

Василиса хорошо помнила, как душа уходила в пятки, когда он вонзал в нее такой взгляд. Но это было раньше, а сейчас в ней лишь слегка дрогнуло, и то скорее от неожиданности, чем от страха. Он, конечно, крутой парень, но ей не-трудно будет найти на него управу, попросит ребят из их охраны, они подъедут, поговорят с ним...

– Что слышал! – резко бросила она.

– Значит, пока я в Чечне кровь проливал, ты здесь таскалась! – Сергей поднес к груди растопыренные пальцы, то ли пуговицы собирался расстегнуть, то ли тельняшку на себе рвануть.

– Ты?! В Чечне?! – В глаза бросилась медаль с медным отливом, вычерченная красной линией звезда на ней. – Когда это ты успел?

– Да по контракту... От Лидки ушел, и на контракт!.. Блин!.. – Он вдруг приложил руку к своему боку.

– Что там?

– Да в рукопашке с одним чертом сошелся, он меня кинжалом зацепил...

Душевный порыв захлестнул ее с головой, забыв обо всех обидах, Василиса расстегнула куртку, развела полы, задрала майку. Левый бок действительно закрывала марлевая накладка, прилепленная пластырями. Несвежая повязка, от нее дурно пахло.

– А ну, пошли!

Она провела его в дом, уложила на диван, раздела до пояса, сняла повязку и осмотрела рану. Действительно, похоже на ножевое ранение. Шов наложили неаккуратно, криво, видимо, в полевых условиях, во время боя это делали. Рана уже поджила, но из нее слегка сочилось. Антисептики у нее имелись, бинты и пластырь тоже, повязки накладывать Василиса умела.

– Почему тебя раньше времени выписали? – вздыхая, спросила она.

– Не выписали, выгнали. Я там с начальником госпиталя поцапался...

– Из-за бабы?

– Ну, почему сразу из-за бабы? – весело возмутился Сергей.

– А то я тебя не знаю!

– Ну, из-за бабы. Была там одна медсестричка. Я не хотел, она сама...

– Всегда у тебя так, – сказала она с умилением, от которого самой должно было стать тошно.

Но не стало. Неужели она снова во власти тех самых чувств, от которых спасалась бегством? Василиса не хотела в это верить, но, похоже, Сергей снова нужен ей...

– Ну, может, и хотел... – Он улыбнулся со всей нежностью, на которую только был способен. – Но только потому, что эта сестричка на тебя была похожа. Такая же красивая, милая, светлая...

– Да ну тебя! – хмелея от удовольствия, шутливо отмахнулась Василиса.

– Я воевал, кровь проливал, а эти крысы тыловые меня выгнали. И контракт разорвали. Надо будет в Ростов съездить, документы забрать и деньги. Там и удостоверение, и орденские книжки. Ну, и боевые, в смысле, деньги... У тебя как с деньгами?

– Ну, есть кое-что.

– Ничего, если я у тебя немного поживу?

– А ты хочешь?

– Я хочу?! Да я мечтал с тобой жить! Письма тебе каждый день писал! Не отсылал, правда, адреса не знал... Домой приехал, брата твоего встретил, разговорились, он проболтался. Знала бы ты, как я обрадовался!

– Как?

Он обхватил ее руками, легонько потянул на себя, и она сама прильнула к нему... Но тут вдруг в дверь с силой постучали. Василиса мгновенно выскочила во двор. Под навесом из дикого винограда стояли двое – рослые, плотного телосложения, в черных костюмах. Один угрюмо смотрел на Василису, пощипывая свой нос, второй с невинным видом водил носком туфли по трещине в асфальте, втирая в нее лохмотья прошлогодней травы. Шарообразная, наголо бритая голова, маленькие круглые ушки, сливообразный нос и глаза грустные-грустные.

– Тут у тебя какой-то мужик, – сказал первый. – Поговорить бы надо.

– Нет у меня никого. Но сейчас будут. Из милиции. Бесплатные мальчишки по вызову, – возмущенно ответила Василиса.

За спиной открылась дверь, скрипнула половица, Сергей подошел к ней сзади, двумя руками взял за плечи, сдвинул в сторону:

– Эй, мужики, что за дела?

Она еще не совсем отошла в сторону, когда его ударили. Падая, Сергей вцепился ей в руку, потянул за собой, но громила оттолкнул Василису плечом и опять ударил его, добивая. И Василисе от него досталось.

– Пусти! – ударила она его в плечо, но чуть не отбила кулак, как будто не живая плоть под пиджаком, а твердая резина.

Громила даже не заметил удара и потащил Сергея. Какое-то время Василиса словно в ступоре смотрела, как его катают по асфальту, затем бросилась в комнату, вернулась с телефоном в руке и стала набирать номер отделения милиции. Громила тут же остановился и осадил своего друга.

– Давай, звони, пусть его забирают, – криво усмехнулся он, сплюнув на Сергея, который, постанывая, пытался подняться с земли. – За Кузьмина ответит, за «хулиганку» сядет.

– И ты сядешь!

– Да меня-то выкупят, не сомневайся.

Сергей махнул рукой, останавливая Василису. Видимо, Кузьмин действительно человек богатый, он выкупит своих церберов, а Сергея в милиции убить могут. Заплатят уголовникам, и они забьют его до смерти, а может, просто зарежут...

– Ладно, пойдем мы, – насмехаясь над ее замешательством, сказал шароголовый.

Он медленно провел рукой по своей лысине, с ухмылкой глядя на Василису, и вдруг резко ударил ногой Сергея по ребрам, после чего, увлекая за собой друга, направился к воротам. Они ушли, а Сергей все смотрел им вслед. Василиса протянула руку, хотела ему помочь подняться, а он мотнул головой, как будто ему и на земле не плохо.

– Их что, из чугуна отливали? – спросил он, ощупывая пальцами шишку на переносице.

– Это Кузьмина люди. Зря ты его ударил.

– Кто он такой?

– Очень богатый человек.

– Ты с ним спишь? – облизывая языком разбитую губу, спросил Сергей.

Но Василиса ничего не ответила и пошла закрывать калитку – вдруг бандиты снова нагрянут?

Когда она вернулась, Сергей сидел на скамейке, ощупывая пальцами отбитый бок.

– Не кулаки у них, а чушки чугунные, – пожаловался он, чуть скривившись.

– Может, в больницу нужно?

– Да нет, ребра вроде целые. Ты же знаешь, кости у меня крепкие.

Василиса кивнула. Задиристый характер – его беда, сколько раз нарывался, до полусмерти, бывало, избивали, но в больницу ни разу не попадал.

– Да, но думать нужно головой, а не костью.

– А если в голове кость? – усмехнулся Сергей. – Мы люди военные... Значит, богатый он, этот Кузьмин?

– Ну, вроде бы... Он тут рядом живет, дом у него здесь...

– Да, видел я здесь домики, ошалеть – не встать. Олигархи здесь живут?.. Не сообразил, сунул голову... Ну, да ладно, зато морду олигарху набил! Где ты его такого нашла?

– Сам нашел. Я на работу шла, а он подвез...

– А работаешь где? Почему ночью не было?

– В ночном клубе, официанткой. А что?

– Платят как?

– Хочешь устроиться?

– Кем? В охрану? Тебя там от всяких охранять?..

– Ну, там и без тебя охраняют, но если подключишься...

– Куда мне в охрану? Сначала отлежаться надо... Блин, как будто через камнедробилку пропустили!

Василиса кивнула. Дом у нее небольшой, но со всеми удобствами, ванная Сергею с его ранами не подойдет, а душ будет в самый раз. Пусть искупается, а она ему постель пока приготовит, и накормить его надо... Ей и самой нужно было хотя бы немного поспать, но об этом она даже не подумала. Все для Сергея, все для него, любимого...

Глава 3

Сверху земля сухая, острие тяпки входило в нее легко, с приятным шорохом, дальше грунт сыроватый, вязкий, но глубокая борозда не нужна – можно не напрягаться. Спорится работа, семена ложатся в землю, присыпаются, к лету грядки взойдут, будет к столу и укроп, и петрушка. И огурцы у Василисы будут, рассада уже готова, и место под нее вскопано, взрыхлено...

Она разогнулась, отнесла тяпку к сараю, где хранился инструмент. Теперь можно и к столу. На ужин сегодня куриные крылышки, она их час назад из духовки вытащила.

Сергей сидел в старом, обитом клеенкой кресле, за шатким столиком, пригрелся на солнышке, разморило его. Крылышки уже на столе, пиво там же. Хорошо Сергею, и рана почти зажила, и синяки уже сошли. Две недели они вместе, так здорово просыпаться с ним по утрам или, напротив, ложиться в постель. Правда работать по дому его не заставишь, не любит он это дело. Ну и ладно.

– Устала? – спросил Сергей, думая о чем-то своем.

– Устаю я на работе, а здесь отдыхаю.

– На грядках?

– И на грядках тоже.

– Как пчелка, как пчелка, да?

Василиса промолчала, хотя могла бы в ответ назвать его трутнем, но ни к чему портить с ним отношения. По дому он ей не помощник, но вроде бы на работу собирается устроиться, в клубе вакансия охранника освобождается. Тридцать тысяч в месяц на дороге не валяются.

А может, пусть лучше дома сидит? На работе искушения сплошь и рядом, а здесь ему только Василиса и нужна. Если он по бабам ударится, тридцать тысяч только на лечение при его ершистом характере будут уходить.

– А могла бы по подиуму порхать. С твоей-то фигуркой... Зачем тебе этот огород? Его травкой засадить нужно, ну, типа, английские газоны, все такое. И садовника нанять, пусть вкалывает...

– Размечтался! – невесело усмехнулась она.

– Белые люди так и живут. – Сергей кивком головы показал в сторону коттеджной застройки. – А чем мы хуже?

– Не хуже. Просто у нас денег нет.

– Деньги на земле валяются, просто их подобрать нужно.

– Сколько таких умных! И столько же таких бедных.

– Ну, начнем с того, что не с каждой земли можно подобрать. С твоей можно. Знаешь сколько соточка стоит?

– Знаю.

– За твой участок двести штук снять можно. За эти деньги такие хоромы отгрохаем!.. Ну, не здесь, понятное дело, подальше от Москвы отъедем.

Василиса кивнула, словно соглашаясь с ним, неторопливо поднялась со своего места, подошла к калитке, открыла ее настежь и вернулась.

– И что это значит? – спросил Сергей, настороженно глядя на нее.

– Про Бога все не говорят, а на порог я тебе показала.

– Не понял!

– Люблю я тебя, Сережа. Крепко люблю. Так люблю, что ни разу без тебя, ни с кем. И не нужен мне никто. И если не хочешь работать, черт с тобой! Зарплата у меня неплохая, как-нибудь прокормимся... А землю мою не трогай!

Любила она Сергея, но уже далеко не так слепо, как прежде. Многое могла ему простить, и его тунеядство готова была терпеть, но глаза держала открытыми. Далеко он от морального совершенства, мягко говоря, нет ему доверия. И деньги за участок он запросто прикарманить может... Нет уж, круглых дур он пусть в другом месте поищет.

– Почему?

– Золото здесь зарыто. Осенью перекопаешь огород, найдешь.

– Золото? – в раздумье проговорил он, внимательно глядя на нее. – Осенью?.. А я осенью здесь буду?

– Можешь уходить прямо сейчас! – Она резко повела рукой в сторону калитки.

– А вдруг уйду?

– Поплачу и успокоюсь. Я уже привыкла без тебя жить. Не так уж это и трудно.

– Думаешь?

– Знаю!

– Изменилась ты. Сильно изменилась.

– Это не я изменилась, это жизнь научила.

– Ты мне такая больше нравишься... Иди, закрой калитку, никуда я от тебя не денусь...

Громкая зомбирующая музыка, завораживающий лазерный свет, хаотичные движения тел на танцполе, жующие за столиками, которым вечно чего-то не хватает, сбегай-принеси-подай, не забудь, не напутай, и так всю ночь. Но Василиса привыкла, в этом дурдоме она уже как рыба в воде. И успевает, и все у нее под контролем, и чаевые она уже наловчилась утаивать. Глаз у Альберта зоркий, он все видит, от него ничего не скроешь, но так только казалось. Чаевые складывались в общую копилку, потом делились на всех, и неважно, как ты работаешь, все равно получишь на равных с другими официантами. Все бы ничего, но Альберт забирал себе львиную долю, где же здесь справедливость?..

Но следил за Василисой не только администратор, с недавних пор в клубе работает Сергей, все-таки взяли его в охрану. И ничего, справляется. Стоит в дальнем углу зала, смотрит, наблюдает, а Василиса у него под особым приглядом.

С тех пор как она отшила его с куплей-продажей, он заметно изменился. И домом вдруг занялся – крышу подправил, возле крыльца забетонировал, обещал взяться за баньку, которую построил для себя отец. Сарайчик там из толстых бревен, парилка совсем крохотная, два человека едва помещаются, и прогревается она плохо. Василиса эту баньку за ненадобностью в сарай превратила и уже захламить успела. Сергей решил вернуть ей прежнее назначение – от барахла очистить, стены утеплить, печь наладить. Дальше слов дело пока не идет, но желание у него есть, и то хорошо.

А еще Сергей в клуб на работу сам напросился. И вообще, он теперь на Василису другими глазами смотрит – уважительно, как на равную. Не зря она показала ему характер, не вытирает он больше об нее ноги. На других баб заглядывается, не без этого, но ни с кем не крутит, хотя возможности есть.

Василиса получила расчет, по пути к бару незаметно вынула из книжечки сотенную купюру, сунула в рукав. Сто рублей из семисот чаевых – это сущий пустяк, но если Альберт заметит, стыда потом не оберешься. На первый раз предупредят, хотя могут и уволить – в назидание остальным.

Но Альберта нет нигде, а Сергей, если даже увидит, никому не скажет.

– Климова! – раздался вдруг над ухом до тошноты знакомый голос.

Альберт взял ее под локоть, и Василиса от страха выронила расчетную папочку, деньги посыпались на пол, она принялась их собирать. Надо было выронить из рукава припрятанную купюру, но эта мысль пришла после, когда деньги уже лежали в книжечке.

– Поговорить надо! – Альберт снова взял ее под руку и повел к арке, за которой находился вход в административную часть.

– Зачем?

– Надо!

– Но мне расчет сдать нужно...

– Потом, Климова, потом!

Он держал ее за руку, в которой она припрятала чаевые, и делал это, видимо, нарочно. Сейчас заведет ее в кабинет директора, там обыщет, найдет деньги. Василиса с ужасом представляла, как будет смотреть Альберту в глаза.

Он действительно завел ее в кабинет к директору. Игорь Андреевич был на месте, а с ним еще большая величина – владелец клуба, Павел Матвеевич Прахов. Рабочий стол пустовал, боссы сидели на диване. На журнальном столике – пиво в запотевших бокалах, на одном блюде – вареные раки, на другом – шелуха от них. И у директора лицо красное, и у его босса, пальцы и губы в торопливом движении – уж очень вкусные раки, не оторваться.

Пиво, раки, а теперь вот и зрелище подоспело. Сначала заставят Василису раздеться, а потом накажут за воровство. И никакой Сергей не поможет. Павел Матвеевич Прахов мужчина серьезный, с богатым криминальным прошлым, да и в настоящем он, говорят, еще тот фрукт – мало ему легального бизнеса, так он вдобавок и частным кредитованием занимается, деньги под большие проценты ссужает. С законными ворами дружбу водит... В общем, опасный он человек, хотя по виду не скажешь. Простецкое лицо, взгляд спокойный, добродушный, и краснота на щеках его не портит, скорее наоборот.

– Привел? – спросил Игорь Андреевич.

Этот производил пугающее впечатление. Холеный, лощеный, с аристократическим вкраплением в чертах лица, взгляд холодный, надменный, движения вальяжные, на публику. Его лицу больше шла бледность, чем краснота, которая казалась болезненной, как диатезное высыпание.

Он смотрел на Василису, но как будто не видел ее, может, потому и обратился к Альберту с вопросом.

– Привел.

– Ты чего такая напуганная? – благодушно спросил Прахов.

– Я напуганная? – удивилась Василиса.

– Ну, не я же... Хотя опасения, честно говоря, есть.

– Опасения? – Она непонимающе продолжала смотреть на него.

– Может, признаешься, пока не поздно? – спросил Прахов, тыльной стороной ладони вытирая жирные губы.

– В чем? – пробормотала она.

– Ну, что ты там со своим... Как его?

– Кириков его фамилия, – подсказал Котенков.

– Что вы там с Кириковым задумали?

Разговор зашел о Сергее, но вдруг это все-таки связано с чаевыми? Василиса терялась в догадках и страхах.

– А что мы задумали?

– Ты говорила, что Кириков в Чечне служил, – сказал директор.

– Да, говорила, – кивнула она. – По контракту.

– Не служил он там. И медали у него «левые». Такие за выслугу лет дают, а какая у него выслуга?

– Ну, не знаю...

– Два года срочной службы – вот и вся выслуга. За такие дела значки дают, а не медали. А он понацеплял... Знаем мы таких героев!

– Знаем... – отправляя в рот кусок белого мяса, кивнул Котенков. – Что скажешь, Климова?

– Ну, я ушла от Сергея. Мы сильно поссорились, и я ушла. Мы в ссоре были, а он вернуться захотел. Я так думаю, он разжалобить меня решил, ну, герой войны, все такое, – пожалала плечами Василиса.

– Что-то ты не очень удивлена, – заметил Прахов.

– Почему не удивлена?

– Вот я и спрашиваю: почему? Я так понимаю, он у тебя пацан хитрый, есть такое?

Василиса кивнула, поджав губы. Что-то, а пыль в глаза пускать Сергей умел. Мозги пудрить, физиономии чистить, по жизни – как перекасти-поле, в этом он весь.

– Ты знала, какой он у тебя, но за него попросила, как это понимать?

– Непутевый он, – вздохнула она. – Но когда-то же нужно взрослеть. Сергею двадцать семь лет, уже остепениться пора. Он ко мне приехал, сказал, что работа ему нужна, а в клубе вакансия освободилась. Это же хорошо, и жить вместе, и работать...

– Хорошо-то, хорошо... – Прахов с ожесточением свернул голову очередному раку. – А если он темная лошадка? Если он тут вынюхивает, высматривает?

– Зачем?

– Ну, мало ли. Деньги здесь реальные крутятся, если вовремя дернуть, такой куш можно сорвать!..

– Я не понимаю, – растерянно пожалала плечами Василиса.

Клуб за ночь собирал приличную кассу, а еще, если верить слухам, в сейфе у директора хранился «черный нал» с темных финансовых дел Прахова, эти деньги по частям отправлялись в банк под видом выручки, отмывались, проще говоря. В общем, было чем поживиться, но при чем здесь Сергей? Да, он задира, баламут, бабник, но воровством и грабежами он никогда не промышлял.

– Не понимаешь? – внимательно посмотрел на нее Прахов. – Кто он такой по жизни, этот твой Сергей?

– Если вы думаете, что он с криминалом как-то связан, так нет, не было этого.

– Не было? Или ты ничего такого не знаешь?

– Не знаю.

– Ты говоришь, что ушла от него. Когда это было?

– Давно уже, два года прошло.

– Ты из Волгограда, он из Волгограда, ты здесь, он там. И чем он там эти два года занимался, ты не знаешь.

– Нет, не знаю.

– И мы не знаем. Пробили по нему, вроде нормально все, не судим, пара приводов за драку не в счет... Но мутный он какой-то тип. Смотрю я на него, мутный. И эта история с Чечней...

– Это он меня разжалобить хотел! – Василиса порывисто приложила к груди ладони, забыв о деньгах.

Папка выскользнула из пальцев, она резко присела, поймав ее на лету, но из рукава при этом выскользнула сотенная, к счастью, вместе с ней на пол упало еще несколько купюр. Василиса суетливо собрала деньги, поднялась, глянула на боссов. Прахов смотрел на нее насмешливо, поверх бокала, из которого жадно глотал пиво.

Он поставил бокал на столик, отрыгнул в кулак, вытер рукой мокрый рот и, усмехнувшись, спросил:

– Разжалобил?

– Ну да, мы помирились.

– И как?

- Хорошо все, живем душа в душу.
- Друзья у него есть?
- Есть, в Волгограде.
- Может, они тоже с вами живут? Или подъезжали там, разговоры вели.

Василиса мотнула головой. Не было ничего такого, и зря Сергея подозревают в чем-то крамольном. Прахов махнул рукой на дверь, мол, все, разговор окончен, она может идти работать. Но Василиса не сдвинулась с места.

- А как же Сергей?
- Ну, если ты за него ручаешься... – пожал плечами владелец клуба.
- Ручаюсь!
- Хорошо, пусть работает... И ты давай к станку, люди ждут.

Он снова показал на дверь, и на этот раз Василису как ветром сдуло.

Ничего криминального за Сергеем нет и быть не может, и подозрения у босса он вызвал только из-за своей неумной фантазии. И надо было ему героем войны прикинуться, как будто только этим он мог ее покорить. Глупый он. Взрослый, здоровый как бык, а ведет себя как маленький, но Василисе никто другой и не нужен...

Солнечные лучи проривались через просвет в шторах, просачивались сквозь ткань, забирались под одеяло, щекотали глаза. Василиса не выдержала, выскользнула из-под одеяла, села, сунула ноги в мягкие пушистые тапочки, поднялась, только тогда глянула на часы. Половина двенадцатого, полдень уже на носу, но еще есть возможность поспать часик. Но как быть, если сна ни в одном глазу?

Она потянулась к стулу, вдвинутому под столешницу трюмо, взяла со спинки халат.

- Что, уже встаем? – сонно промычал Сергей.
- Да нет, спи еще, я сама скажу, когда надо, – произнесла она, отключая будильник.
- Не надо говорить. – Он перевернулся на другой бок, подминая под себя свою часть одеяла. – Не пойду я никуда!
- Почему?
- Да на фиг оно мне надо! Смотрят на меня, как на прокаженного!
- Кто смотрит?
- И пальцем в спину тычут. Ну да, приколотся хотел, медали у отца взял... А ты взяла да про Чечнюбрякнула.
- Я, значит, виновата! – возмущенно округлила глаза Василиса.
- Ну, не ты... Я накосячил, не вопрос... Короче, никуда я не пойду! В Москву завтра поеду, там что-нибудь найду...
- Да, наверное, ты прав, – немного подумав, согласилась она.

Возможно, Прахов нарочно создавал вокруг Сергея невыносимую обстановку, посмотреть хотел, как он отреагирует. Если он в таких условиях будет цепляться за свою работу руками и ногами, значит, с ним на самом деле что-то нечисто. А если уйдет – скатертью дорога.

А действительно, зачем цепляться за клуб, когда под носом целая Москва, там работы много и платят хорошо? Возможно, и она уволится из клуба, если вдруг ей начнут ставить палки в колеса...

Василиса уже выходила из комнаты, когда вспомнила о вопросе, который не давал ей покоя. Неделя прошла с тех пор, как она узнала о подлоге с медалями, но так и не решилась спросить. Все откладывала на потом, но забывала...

- Если ты не был в Чечне, где тебя ножом пырнули? – останавливаясь, спросила она.
- Где-где, с козлом одним зацепился...

Василиса кивнула и ушла. Действительно, для Сергея нарваться на грубость – как воды напиться. Нашла о чем спрашивать...

Обычно в рабочий день ей некогда было заниматься обедом, на этот случай в холодильнике лежали загодя налепленные пельмени – бросил в кипяток, и нет проблем. Но для себя она варить не захотела, состряпала бутерброд, перекусила, выпила чаю. Такси заказывать не стала, пешком отправилась к остановке.

Не прошла и полпути, как позади послышался шелест колес, это к ней подъезжал Кузьмин. Только на этот раз это был темно-серый «Ленд Крузер», такой же новый и сверкающий лаком, как его «БМВ». Он остановил машину, перегородив ей путь, вышел. Волосы растрепаны, взгляд беспокойный, рот приоткрыт, дыхание натужное, частое, как будто не на машине он за ней ехал, а бегом бежал.

– Здравсте, Валентин Юрьевич! – не без сарказма поприветствовала его Василиса.

Никогда не забыть ей, как его церберы катали по земле Сергея, заслуженно или нет – дело десятое. И он все помнил, поэтому, казалось, не знал, как вести себя с ней. То ли наехать, то ли прощения попросить, а можно сделать вид, как будто ничего не было.

– Ну да, здравствуй... – спохватился Кузьмин. – А я тут еду, еще про тебя подумал. Смотрю, ты идешь... В город?

– В город. – Василиса качала головой, выразительно глядя на него. Никуда она с этим типом не поедет, и пусть не уговаривает.

– Могу подвезти.

– Спасибо, не надо.

– Своего боишься? – спросил он.

– Кого? Сергея? Боюсь?! С чего бы это?

Кузьмин сощурил глаза, всматриваясь в нее, словно нащупывал слабинку. И нащупал-таки.

– Боишься! – задиристо улыбнулся он.

– Я никого не боюсь! – И, чтобы доказать это, Василиса решительно направилась к его машине, открыла дверь, села.

Только тогда и пожалела о своей глупости. Кузьмин взял ее на «слабо», как провинциальную дуру. Хотя при чем здесь провинция? Дураки везде одинаковы.

Кузьмин сел за руль, тронул машину с места.

– А ты один, без телохранителей? – грубо спросила она, неожиданно обращаясь к нему на «ты».

Действительно, а почему она должна с ним церемониться? Кто он такой? Большой человек? Но таких много, к тому же не она к нему набивается, а наоборот.

– Да не люблю я с ними, если есть возможность, без них обхожусь.

– А если Сергей?

– Зря ты иронизируешь, он у тебя парень не простой. И зачем он к тебе приехал, не совсем понятно.

– Почему приехал? Он и раньше со мной жил.

– Не жил. Я узнавал... Ты с ним раньше жила, в Волгограде, потом сюда уехала, а он остался. И дела там темные делал.

– Какие дела? – Василиса потрясенно посмотрела на Кузьмина. Кто дал ему право лезть в ее частную жизнь, рыться в прошлом, вынюхивать, вызнавать?

– Ну, остается только догадываться, – пожал он плечами. – Два его дружка под следствием сейчас, за ограбление.

– Вы откуда знаете? – снова вернулась она к обращению на «вы».

– А чего тут знать? Тут главное, задаться вопросом... А я задался... Только этих ребят закрыли, как Сергей твой сюда поехал. Как думаешь, это совпадение? А может, они вместе инкассаторов ограбили?

– Инкассаторов?

– Там серьезно все, девочка моя, там все очень серьезно. В розыск его не подали, может, потому, что подельники не сдали. Но могут сдать, поэтому он здесь... Нет бы сидеть тише воды, ниже травы... А что у него там за медали на груди были, он что, под блаженного косил? Не похоже...

– Медали... – в тяжком раздумье вздохнула Василиса, обреченно махнув рукой.

Что-то нехорошее таилось в Сергее, и люди чувствовали это зло. А Кузьмин еще и кулаком по голове получил. И он справки о Сергее наводил, и Прахов. Всем он казался подозрительным, и только она души в нем не чаяла... А ведь он забрасывал удочки, дом с участком хотел продать, хорошо, она не уступила. Все-таки не совсем она дура.

– Я знаю, ты с ним раньше жила, а он гулял от тебя...

– Остановите машину! – не в силах сдерживать рвущиеся наружу эмоции, воскликнула Василиса.

Она не собиралась обсуждать свою личную жизнь с первым встречным, даже если он глубоко сунул нос в ее дела. Наверняка нанял частного детектива или еще кого-то в этом роде, отправил его в Волгоград. А кто ему давал право лезть в корзину с чужим бельем?

Кузьмин машину не остановил, но за всю дорогу и слова не проронил. И только у самого клуба дал совет:

– Гони его к черту, пока не поздно!

– Не ваше дело! – выпалила Василиса, выскакивая из машины.

Она сама со всем разберется и, если Сергей действительно в чем-то виноват, простит его и поможет ему скрыться. Да, может, его действительно разыскивает милиция, но ведь он сбежал к ней. С кем хотел начать новую жизнь, к той и сбежал. А раз так, Василиса за него в ответе. Надо будет, продаст свой дом и уедет с ним далеко-далеко, где их никто и никогда не найдет. А Кузьмин пусть сам проваливает к черту...

Глава 4

Небо светлое, высокое, слегка подернутое облачной зыбью, ветер медленный, спокойный, но с его широких колышущихся плеч скатываются тяжелые воздушные массы, полные тепла. Горизонт чистый, дождем и не пахнет, весь день будет стоять отличная погода, светить солнце. Красота! А планы у Василисы на сегодня большие – и огородом заняться, и ужин приготовить: на вечер у нее назначен серьезный разговор, Сергей должен рассказать о своих друзьях, если они действительно находятся под следствием. Мало ли, вдруг Кузьмин нарочно это придумал, назвался же он когда-то Василием...

В дом она зашла тихонько, чтобы не разбудить Сергея. Время для него еще раннее, а он любит спать допоздна. Да и ей бы не помешало вздремнуть после смены. Как-никак, три дня отпахала, устала до чертиков...

Но Сергея дома не было. Кровать не заправлена, одеяло скомкано, в обнимку с шортами лежит, полотенце через спинку жгутом переброшено, носки грязные в углу валяются, сумка дорожная на шкафу лежит. А джинсов нет, не видно и его любимого батника в тонкую коричневую полоску. И туфли куда-то исчезли... Ушел Сергей, но куда? Может, работу искать? Но почему он ей об этом не сказал, когда она ему звонила? Может, проснулся рано утром, задался вопросом, как дальше жить, собрался наскоро и рванул в Москву?..

Василиса услышала, как хлопнула калитка. Сергей! Она вышла во двор, но увидела Прахова. Павел Матвеевич шел к дому, низко склонив голову, глаза злые, налитые кровью. Рядом, обгоняя босса, шел телохранитель – среднего роста парень с боксерским носом и приплюснутыми ушами, быстрый, юркий, подвижный. В одной руке Прахов держал пистолет, а в другой – не знающий покоя кистевой эспандер. И телохранитель тоже был вооружен.

– Где эта крыса? – свирепо глянув на Василису, негромко, но бурлящим от злости голосом спросил Прахов.

– Крыса? – Она догадывалась, о ком идет речь, но нужно было уточнить.

Телохранитель не стал ждать, когда Василиса ответит, прошел мимо и скрылся в доме.

– Кириков где?

– Нет его. Ушел... А что-то случилось?

– Случилось!

Во двор зашли еще двое, охранники из клуба – великолепно сложенный, но с корявым лицом Слава и широконосый Борис. У этих оружия не было, но Прахову все равно.

– Быстрее давайте! – крикнул он.

Парни ускорили шаг, тут же перешли на бег. Одного Прахов отправил в дом, другому велел осмотреть двор. Свой пистолет он никому из них не отдал.

– Если вы Сергея ищете, то его нет. Он в Москву сегодня собирался, работу искать, – дрожащим от волнения голосом проговорила Василиса.

– Работу?! – Прахов резко повернулся к ней, стремительно надвинулся, как будто собирался боднуть головой. – Какую работу?

– Ну, вы же не хотели, чтобы он работал у вас.

– Не хотел! Потому что крысу в нем учуял!

Из дома вышел телохранитель, посмотрел на Прахова и покачал головой. И во дворе Сергея не нашли.

– Может, скажете, что случилось? – Василиса боялась смотреть своему боссу в глаза.

– Инкассатора подрезали, у самого банка. Голову ему проломили, а деньги забрали.

– А почему вы думаете, что это Сергей?

– А голос его слышали... Он там был, точно, он.

– Я не знаю... Я на работу ушла, а он дома остался... Я звонила ему вчера вечером, он здесь был...

– А звонила зачем? Наводку дала? – хищно сощурился Прахов.

Василису как будто ледяной водой окатили, холод, казалось, вытянул в себя не только тепло из тела, но и все жизненные силы. Захотелось вдруг сесть прямо на асфальт, опустить голову к ногам, обхватить ее руками, разрыдаться. Но сдаваться нельзя, нужно бороться.

– Я ничего не знала! – Она открыла рот, выталкивая из себя воздух.

Из нее должен был вырваться крик, но вышли какие-то жалкие всхлипы вперемешку с хрипами.

– Ты за него поручилась! – Прахов смотрел на нее жестко и беспощадно.

– Но Сергей не мог...

– Где он?

– Я не знаю. Я приехала, а его нет...

– Разберемся. Обязательно разберемся... Значит, так, из дома никуда не выходить, попробуешь смыться, пеняй на себя! Вопросы?

Вопросы роились у Василисы в голове – разрушали сознание, жалили душу, но ни один из них она так и не смогла озвучить. Прахов глянул на нее как на последнее ничтожество, забрал своих людей и уехал. А она все-таки опустилась на землю, обхватил голову руками.

Не обманывал ее вчера Кузьмин, Сергей действительно страшный человек. В Волгограде он набедокурил, сюда приехал, здесь за свое черное дело взялся, возможно, дружков своих вызвонил, учуяв запах добычи. Узнал, когда появляются инкассаторы, в какой банк отвозят деньги, продумал план, позвал своих поделльников, из тех, кого не арестовали, провернул дело. И Василису заодно наказал – за несговорчивость. Не позволила она ему дом продать, а деньги прикарманить, и он ей этого не простил...

Не зря Кузьмин раскопал страшную правду о нем, и ничего бы не случилось, расскажи Василиса о разговоре с ним тому же Альберту. Но не сдала она Сергея, и чем все это для нее обернется? Вряд ли она отделается легким испугом...

Прахов появился вечером. Безмятежное выражение лица, благодушный взгляд, спокойная, раскрепощенная походка. Возможно, деньги нашлись, во всяком случае, Василиса так подумала, глядя на него. Но радости особой не было. Если он нашел свои деньги, то и до Сергея добрался, а у него свое, особое следствие и суд...

– Как настроение? – спросил босс.

– Да как-то не очень.

– Дворик у тебя уютный, – оглядываясь, заметил он.

Взгляд зацепился за скамейку напротив остекленной веранды. Сергей на днях по лавочке рубанком прошелся, наждачной бумагой отшлифовал, покрасил. Он жить здесь собирался, зачем ему инкассатора грабить?

– Чей дом? – усаживаясь, поинтересовался Прахов.

– Отец в наследство оставил.

– На тебя в собственность оформлен?

– На меня.

– И участок?

– И участок. А что? – внутренне напряглась Василиса.

Не нравился ей этот разговор, ох как не нравился.

– Хорошо у тебя тут, но старое все. И дом старый, и забор, и все... И места есть получше. Но подальше от Москвы...

– Это вы о чем? – занервничала она.

– О том, что земля здесь дорогая, продашь дом, со мной рассчитаешься, еще и на новый дом останется. Или квартиру купишь, в том же Волгограде...

– С вами рассчитаюсь? – От волнения у нее ослабли ноги в коленях, захотелось сесть.

– Ты за Кирикова поручилась, а он у меня два с половиной «лимона» увел. И его нет, и денег, такой вот укроп из петрушки. А деньги нужно вернуть...

– Но я ничего не знала! – Слезы хлынули из ее глаз.

– Ну что ты как маленькая? – с искренним сочувствием спросил Прахов. Поднялся со своего места, достал из кармана чистый, наглаженный платок, одной рукой мягко обнял Василису за плечи, другой вытер ей глаза. – Я же не прошу все деньги за эту землю, я возьму из них только свое.

– Но я же не брала у вас деньги!

– Так, стой! У нас был с тобой разговор? Был! Ты поручилась за Сергея? Поручилась!

– А если это не он взял?

– Он. Тебя следователь на допрос вызовет. Он Кирикова подозревает, ну, и с тобой поговорить хочет. Ты все отрицай, ничего не знала, ни о чем не догадывалась... Лично я тебе верю. И понимаю... Но деньги придется отдать... Жизнь, она такая штука, за ошибки наказывает. А ты ошиблась, не разглядела Кирикова. Но я не хочу тебя наказывать. Просто мне нужны мои деньги. Ты меня понимаешь?

Прахов не угрожал ей, а зачем? Василиса и так знала, с кем имеет дело, и прекрасно понимала, чем для нее может закончиться война с ним. Она могла обратиться в милицию, но там у него свои люди, они ему и помогут справиться с ней...

Нет, не будет она сопротивляться – продаст участок, рассчитается с Праховым и уедет в дальние края, туда, где Сергей не сможет ее найти. От него одни только беды, и она давно должна была это понять. Но не поняла. И не прогнала. Что ж, пришло время расплачиваться за свои ошибки...

Тихо шелестит березка, нашептывает, жалуется на плохое предчувствие. Срубят ее новый хозяин, когда будет строить новый дом на месте старого, а она такая молоденькая, жизни еще не видела.

И Василиса еще молодая, а ощущение такое, как будто вся жизнь уже позади. Ей за счастьем в новую жизнь нужно стремиться, а она словно век свой доживать собирается. Уедет куда-нибудь в деревню, поселится там и будет жить одними воспоминаниями, пока не состарится. Такое вот у нее настроение, и никак не получается его изменить. Да она, в общем-то, и не стремится...

Она была у следователя, давала показания. Сергея действительно подозревали в ограблении, да и где он сейчас? Как исчез, так больше и не появлялся. А почему? В бегах он, прячется...

Хороший сегодня день. С утра прошел дождик, освежил воздух, прибил пыль к земле – и дышится легко, и работать неустойчиво. Но за тятку Василиса не возьмется. Зачем? Дом выставлен на продажу, вчера уже подъезжали, спрашивали, в цене, правда, не сошлись. Если уж продавать, то за полную стоимость, а если она уступит, то совсем на чуть-чуть.

Сегодня с утра звонили, обещали подъехать, поэтому калитка не закрыта – заходи, кто хочет... Василиса не удивилась, увидев Кузьмина. С ним она не созванивалась, но так ему и не нужно приглашение. Настырный, навязчивый...

– Ты что, дом продаешь? – возмущенно спросил он.

– Продаю, – вздохнула она, тускло глянув на него из-под челки.

– Зачем?

– Попала я... А ты не в курсе?..

– Что стряслось?

– Ты же следишь за мной или нет?

– Да не следил я, просто справки навел...

– Друзья у Сережи под следствием, это верно. Он и сам сейчас под следствием. Он клуб мой ограбил, а долг на меня повесили. Я же за него поручилась.

– Почему-то я не удивлен, – фыркнул Кузьмин.

– Ну да, ты же предупреждал! – язвительно протянула она.

– И предупреждал...

– А я не остановилась. И приехала.

Во двор зашли люди – высокий худощавый мужчина с нездоровым цветом лица и пышнотелая дама с пушистой болонкой на руках. Собачка заливисто лаяла, все норовила соскочить с рук, но женщина изо всех сил удерживала ее, при этом она еще тащила за собой мужчину, которому не очень хотелось идти за своей женой, а приходилось... Спасибо Кузьмину, он пресек его мучения еще на полпути к дому.

– Опоздали, господа! Дом уже куплен!

Дама остановилась, вскинула голову, расправила плечи, собираясь выразить свое возмущение, собачка соскочила с рук, с лаем бросилась к Валентину, но, не добежав до него, вдруг испуганно бросилась прочь, проскочив между ног у своей хозяйки. Женщина с криком кинулась за ней, толкнув при этом своего мужа, который с трудом удержался на ногах. Болонка выскочила в открытую калитку, дама исчезла вслед за собачкой. Мужчина осуждающе качал головой, наблюдая за ней, затем повернулся к Кузьмину, развел руками и ушел.

– Что это было? – с трудом сдерживая улыбку, спросила Василиса.

– Похоже на цирк, – прыснул в кулак Кузьмин, – но я в этом не уверен.

– Может, и цирк, может, и клоуны, но мне все равно, кому продавать дом.

– Тогда продай его мне.

– И продам.

Василиса и не думала упрямствовать, а зачем? Он же не тело ее собирается покупать, а всего лишь дом с участком.

– Неужели все так серьезно?

– Очень.

– Расскажешь?

Василиса кивнула. Раздражал ее Кузьмин или нет, но сейчас он был единственным человеком, перед которым она могла излить душу.

Человек не вечен, хочет он того или нет, но рано или поздно для него все закончится. Живым из жизни не уйти, все это понимают, но на тот свет никто не торопится. Более того, страх перед «рано» держит человека за горло всю жизнь. Страх перед смертью – самое сильное чувство, и это ни для кого не секрет, в том числе и для Паши Прахова, который так подло сыграл на струнах ранимой женской души. Василиса испугалась за свою жизнь, повелась на угрозы... Неправильно повел себя Паша, и кто-то должен ему это объяснить.

– И не стыдно маленьких дурить? – спросил Кузьмин, всматриваясь в его маленькие глаза, полные наглости.

Он созвонился с Праховым, подъехал в клуб, встретился с ним в его кабинете. Телохранители в приемной, если вдруг дело дойдет до драки, они вмешаются...

– Что-то я не понял, ты собираешься меня жизни учить? – вскинулся Прахов.

– Не ты, а вы! – отрезал Валентин Юрьевич.

– Ну, я понимаю, ты крутой бизнесмен, у тебя реальные деньги, связи, все такое, но ты не зарывайся. Не бери на себя много, а то надорвешься, не унесешь...

– А если попробую?

– И что ты мне сделаешь? – скривился Паша. – «Крышу» свою подключишь, связи свои поднимешь? Может, киллера наймешь? И ради кого? Ради какой-то девчонки? И все для того, чтобы нарваться на «ответку»? Я тебя умоляю!

Его устами говорила сама суровая правда. Малой кровью Прахова не возьмешь, в борьбе против него нужно будет задействовать все свои связи, как в силовых структурах, так и в криминальном мире. Там «на лапу» дать, там отстегнуть, и еще можно вляпаться в так называемый неоплатный долг, когда за малую услугу требуют большую. А Паша и ответить может, возможности у него для этого есть. И еще не известно, чья возьмет... Если бы на кону стояло дело на миллиард, а тут всего лишь девушка, которую можно купить за пару миллионов...

– Она не какая-то! – сквозь зубы процедил Кузьмин.

– Кто? Василиса?! Ну да, девчонка хорошая, не вопрос, – кивнул Прахов. – И работает, не придерешься, и собой не торгует. У нас тут все продается и покупается, и официантку можно на ночь купить, если она захочет. А Василиса не хочет... Нормальная баба, не какая-то блудь... А ты на нее, я так понимаю, запал?

Кузьмин хотел ответить ему в резком тоне, но передумал. В конце концов, реальный мир – жестокое измерение, и кто не крутится в нем, тот не живет, а существует. Тем более Прахов не грубил Василисе, даже не приставал к ней. И в клубе у него вполне человеческие порядки, если девушка не хочет, никто ее не вправе принудить. Кузьмин помнил, как Василиса отказалась обслуживать его столик, и администратор вернул ему деньги.

Он ничего не сказал в ответ, но выразительно промолчал, и Паша все понял. Да и как тут не понять? Стал бы владелец крупной металлургической компании заступаться непонятно за кого.

– Ну, и в чем дело, если ты такой крутой? – беззлобно усмехнулся Прахов. – Заплатил за нее, и живи счастливо.

– Она тебе ничего не должна.

– Парень ее должен. Парень, за которого она поручилась. Я с ней здесь, в этом кабинете говорил, спрашивал, кто он такой, этот Сережа. А она знала, какие грехи за ним водятся, но не сказала. Должна была знать...

Кузьмин озадаченно провел рукой по лбу, пальцами зачесывая волосы назад. Как это ни странно, но в чем-то Прахов был прав. Он же сам сказал Василисе, кто такой Кириков, она могла бы сообщить своему шефу, но промолчала, и в итоге тот попал на деньги...

– Два с половиной миллиона, говоришь?

Примерно столько стоила хорошая машина, которую он мог бы подарить Василисе, так почему не осчастливить ее выкупленным долгом? Почему не поставить ее в зависимость от самого себя?

Джип выехал на широкополосное шоссе, практически не снижая скорости, но машину не занесло, лишь Василису слегка прижало к двери.

– И куда мы едем? – глянув на указатель, спросила она.

– В Москву.

– А разве в Задорске нет нотариальной конторы?

– Я не собираюсь покупать твой дом, – улыбнулся он.

– Но мы же договорились! – возмутилась она.

Кузьмин подъехал к ней сегодня утром, она покорно села к нему в машину, их путь лежал к нотариусу, который должен был составить договор, но вдруг все изменилось. И как все это понимать?

– Дом остается за тобой... Нет, если ты очень хочешь, я готов его купить, цены еще долго будут расти, я не прогадаю...

– Что значит, хочешь или нет? Мне деньги нужны!

– Ты их получишь. Ровно столько, чтобы расплатиться с Праховым. Я их тебе дам... Но не за дом... Я хочу купить у тебя Кирикова...

– Сергея?! – недоуменно вскинула брови Василиса.

– Я понимаю, любовь не продается, – усмехнулся Кузьмин. – Но поверь, твой Сергей сейчас такой завалящий товар, что два с половиной миллиона за него – сумасшедшие деньги. Я даю тебе эти сумасшедшие деньги, а ты продаешь мне свои теплые чувства к этому проходивцу.

– Ты сам сумасшедший!

– Нет, это деньги сумасшедшие. Те самые деньги, за которые Кириков тебя продал. Он тебя продал, ты это понимаешь?

Василиса кивнула. Да, Сергей действительно продал ее – Прахову. А если бы у нее не было дорогой земли, чем бы она расплачивалась? Круглые сутки бы в клубе работала, без выходных, первую половину ночи – официанткой, вторую – проституткой, так, что ли?

Все правильно, любовь к Сергею – завалящий товар, тем более она уже научилась обходиться без него.

Но все равно, продавать любовь – это чересчур, к тому же смешно и нелепо. Но Кузьмину не до смеха, ведь он покупает не любовь, а саму Василису, и нужно быть полной дурой, чтобы этого не понимать.

– Ну что, согласна?

Кузьмин должен был следить за дорогой, а он смотрел на нее, и машину повело вправо. Василиса должна поторопиться с ответом, иначе беды не избежать. Умирать не хочется, но лучше это, чем сломанный позвоночник, раздробленные кости черепа, вывернутые наизнанку внутренности...

– Согласна!

Да, она отрекается от Сергея, от своей к нему проклятой любви, но себя не продает... Или это все-таки случилось?

– Ну, вот и хорошо, – улыбнулся Кузьмин, уверенным движением выравнивая машину.

– И что дальше?

– Теперь ты свободна в своем выборе.

– Но выбрать я должна тебя?

– А у тебя есть из кого выбирать?

– Мне и одной неплохо жилось.

– Да, пока не возникли проблемы. Сама ты их решить не смогла... Я знаю, ты собиралась продать дом, рассчитаться с Праховым и уехать с оставшимися деньгами. Боюсь тебя разочаровать, но далеко бы ты не уехала. Если бы я не вмешался, Прахов с тебя не слез бы. Поверь, я знаю, что говорю. Я видел его глаза, и я знаю людей...

Джип стремительно вплыл в пологий поворот, выскочил на разгонную полосу Кольцевой автомагистрали, на скорости обошел одну машину, другую... Справа чадили пузатые трубы, похожие на гигантские кувшины с джиннами, плотные, бурлящие потоки дыма врывались в небо, взбивая и пачкая перину облаков. Слева, с внешней стороны кольца высились многоэтажные дома, перечеркнутые проводами высоковольтных линий. Василису вдруг охватило ощущение полета над превратностями жизни, над судьбой, со всеми ее капризами. Не было ничего хорошего в ее жизни, как впряглась с шестнадцати лет в кабалу несчастной любви, только сейчас, хотелось бы так думать, от нее освободилась. Пять лет бесконечных унижений, два года одиночества, скоротечная история обмана и предательства, из которой она выкрутилась только благодаря Кузьмину. Выкрутилась и едет с ним – возможно, в новую жизнь, которую он ей предлагает. И если она сделает правильный выбор, то действительно поднимется над судьбой. Он богат, и ему ничего не стоит обеспечить ее будущее, в котором не нужно будет сбиваться с ног, всю ночь напролет обслуживая клиентов, терпеть их капризы и сносить оскорбления. А мужчина он хоть куда, и разница в возрасте не столь велика...

– Ну, так что? – спросил Кузьмин.

Василиса и хотела сказать «да», но не смогла.

– Да, я понимаю, тебе нужно подумать, – невесело проговорил Валентин Юрьевич.

– Я бы все-таки продала дом... – пожала плечами Василиса.

Машина продолжала мчаться по автостраде, мимо проносились торговые центры, в которых она могла бы чувствовать себя полной хозяйкой, но не было уже ощущения полета. А хотелось бы взмыть к облакам...

– Я же не просто так... – выдавил из себя Кузьмин. – Ты, наверное, думаешь, что я с тобой играю... А я тебя замуж возьму... Я мужчина холостой, я могу...

Он замолчал, как будто не в силах продолжать разговор. Видимо, эти слова дались ему ценой больших усилий. Слишком уж серьезная тема, чтобы о ней легко и просто. Чересчур серьезная, особенно для холостого мужчины...

Василиса удивленно посмотрела на него. Богатый и холостой – редкое сочетание. Она-то видела в нем женатого мужчину, которому скучно без увлечений на стороне, не подталкивала его к этому разговору, он сам завел речь о замужестве, а раз так, то без кольца на пальце никаких отношений не будет. А если у него все-таки есть жена, Василиса продаст дом, рассчитается с Праховым и растворится в пространстве, только ее и видели...

Глава 5

Длинные изящные пальчики ловко порхали под подбородком, повязывая галстук, прикосновения легкие, волнующие, настраивающие на домашнюю романтику. Взять бы Олесю за руку, пройти губами по ее нежному запястью, спуститься к локотку, зарыться носом в подмышку, с запахом будоражащих кровь феромонов; целовать, ласкать, обнимать, утопать в любви... Только ведьма может обладать столь совершенной и чарующей красотой, как у нее. Михаил Брюсов понял это, как только впервые увидел Олесю, глянул на нее и пропал. И возненавидел Валентина, тогда еще счастливого обладателя этого сокровища.

Однажды он, не выдержав, подошел к ней, не чувствуя под собой ног, признался в любви, она в ответ холодно улыбнулась и покачала головой. Нет в мире силы, которая заставила бы ее изменить своему мужу. Она сама выше любой силы. Она – королева красоты, моды, вкуса и обаяния. И вела себя, как королева, и была ею.

И Валентин был королем, но только в пределах своей не очень большой, но весьма доходной империи. А рядом с Олесей он и вовсе смотрелся, как жалкий паж... Он сам это понимал, возможно, потому и расстался с ней. Не царских он кровей, ему нужно что-нибудь попроще. И он сделал свой выбор, именно поэтому Михаил не мог провести сегодня вечер со своей любимой женой. Валентин звал его на мальчишник, и он не мог ему отказать. Хотя и ненавидел его в душе. К тому же он безмерно благодарен Кузьмину – за жену. Хотя и должен был наказать его за то унижение, которому тот подверг Олесю.

Может, Кузьмин и не королевской породы, в чем-то даже идиот, но казну свою бережет, поэтому и Олесю с долей от развода прокатил. За четыре года в браке она получила только дом на Минском шоссе, сотню-другую тысяч на счету, и то в качестве жеста доброй воли. Оказывается, в свое время она подписала брачный контракт, не зная об этом. Подсунули бумагу среди прочих, она, не глядя, подписала. Она королева, с ней нельзя так, а Кузьмин посмел...

Михаил женился на ней без всяких условий и создал ей королевскую жизнь. Она не стирала, не гладила, даже за тем, как работает прислуга, не следила: не царское это дело. Но повязать мужу галстук – святое дело, к этому ее приучила мать.

Она расправила узел галстука, провела пальцами по воротнику рубашки. Глаза яркие, как море в солнечную погоду, такие же глубокие и живые, улыбка у нее робкая, сдержанная, но такая же светлая, зубы как лакированные кораллы. Волнующие линии лица, точеный носик, чувственные губы, тело не просто красивое, в нем столько скрытой страсти. Михаил воздавал хвалу богам за то слабоумие, которым они наградили Кузьмина. Кто ж по своей воле отказывается от сокровища, которое не купишь за все золото мира?..

– Может, ну ее, эту рыбку? – Он мягко взял ее за руки, приложился губами к маленькой родинке на внешней стороне кисти.

Олеся снова улыбнулась – с легкой лукавинкой во взгляде. Она только рада будет провести с ним вечер и ночь, как он скажет, так и будет... Но если он уйдет, плакать она не станет, скорее наоборот.

Олеся умела изображать чувства, но все-таки он чувствовал холод в ее душе. Не любила она мужа. Терпела его без всякого насилия над собой, но не любила. А он так боялся ее потерять...

– Не хочу никуда идти. – Михаил обнял ее за плечи, с нежностью привлек к себе. – Запарил меня Валя, честно говоря, – поморщился он, снимая с плечиков пиджак. – Как будто я холостяк какой-то по клубам ходить.

Он не скрывал от нее ничего. Кузьмин на веселую вечеринку позвал, свадьба у него на днях, но Олеся никак не реагировала, как будто и знать не знала, кто такой Кузьмин. Надо так надо, вот и весь разговор.

Кузьмин бросил ее, предал, и она его никогда не простит. Но ненавидеть будет молча. И всегда...

Брюсов поцеловал жену и спустился вниз, к машине. Весело будет в клубе, Валентин, если разоидется, оплатит любой каприз, тем более сегодня он просто не имел права жадничать. Но пусть он сам развлекается, к тому времени, как подадут горячее, Михаил уже уедет. Да, к жене, да, к ней под крылышко.

В машине он ослабил узел галстука, но снимать не стал. Как-никак, Олеся повязывала, и не удавку вокруг шеи он чувствовал, а ее нежные пальчики. Как приедет, так и снимет... Может, лучше повернуть назад? Кузьмин ему друг, но в то же время и враг. Может, ну его к черту?..

Валентин ждал его в том самом клубе, в котором они развлекались этой весной. Официантка там работала, та самая, на которой он собирался жениться. Вроде бы ничего девочка, смазливая, фигуристая, сексуальная, но выше официантки ей по своему статусу не подняться, даже если она станет женой Кузьмина. Не быть ей королевой, как Олеся. Что ж, человек волен выбирать свой уровень. Если Валя решил опуститься, это его право. Впрочем, официантка – это как раз для него...

Народ еще только собирался, но в зале уже все горит огнем – диджей за стойкой озорует, девочки в коротких юбках коленца на танцполе выкидывают. За большим столом все свои – одноклассники, сокурсники, просто друзья Кузьмина, многих из них Брюсов знал лично, только вот здороваться с ними не хотелось: далеко не все присутствующие соответствовали его статусу. Но, хочешь не хочешь, а дань вежливости отдать нужно, ни к чему портить атмосферу праздника, которую так искусно создают стриптизерши на танцполе. Клуб, насколько понял Брюсов, был закрыт на спецобслуживание. В толпе танцующих девушек он заметил Вику, которую весной обогатил почти на пять тысяч долларов. Она тоже заметила его, помахала рукой, подалась к нему, но Михаил скользнул по ней невидящим глазом, и этим удержал от глупого поступка. Не собирался он веселиться с ней.

И еще он заметил в толпе официантку, которая обслуживала их столик.

– Девочек подавать будут к холодному или к горячему? – спросил он, легонько толкнув Кузьмина плечом.

– К сладкому.

– Я смотрю, там официантка зажигает, ну, которая нас обслуживает, – усмехнулся Брюсов.

– И официантки там, – весело кивнул Валентин. – И стриптизерши.

Похоже, он был слишком возбужден для того, чтобы уловить подвох в его словах.

– Для массовки?

– Для массовки.

– А Василиса твоя где?

– При чем здесь Василиса? – нахмурился Кузьмин.

Наконец-то до него стало доходить. Фактически его невесту сравнили с легкодоступной Викой, но еще не поздно отыграть назад и при этом снова уколоть заклятого друга.

– Я так понимаю, ты купил ей этот клуб, – с тонким намеком сказал Михаил. – Она здесь теперь главная, да? Кто-то же должен следить за этим стадом каблукокопытных!

Одно только здание клуба стоило не меньше двух миллионов, плюс организация бизнеса – такая покупка влетела бы в копеечку, вряд ли Кузьмин стал бы так тратиться на свою официантку.

– Ты что, следишь за мной? – возмущенно спросил Валентин.

– Я?! Слежу?! О чем ты?

– Откуда тогда знаешь, что я купил этот клуб?

Валентин серьезно посмотрел на него, ни одна черточка не дрогнула на его лице.

- Для Василисы? – выдавил из себя Брюсов.
- Свадебный подарок.
- В обмен на брачный контракт? – сам от себя такого не ожидая, спросил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.